

Александр
Гарцев

Вернись, Светка!!!

18+

Александр Гарцев Вернись, Светка!!!

<https://litres.ru/74645573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новая книга известного сетевого писателя Александра Гарцева «Вернись, Светка!!!» — это роман о том, как научиться видеть женщину, а не ангела.

О том, что бывает, когда мечта сбылась, а внутри пусто.

И о том, что иногда «прощай» — это не конец. Это начало.

А еще, самое горькое: любовь не всегда побеждает.

Мы выросли на сказках, где герой догоняет, спасает, возвращает.

Но в жизни герой не догоняет. Поезд уходит. Перрон остаётся.

И надо научиться жить на перроне.

Не ждать поезд.

А стоять.

Смотреть на небо.

Идти дальше.

Содержание

От автора	4
Пролог	12
Глава 1. Артём	13
Глава 2. Светка	16
Глава 3. Артём	20
Глава 4. Светка	25
Глава 5. Артём	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Гарцев

Вернись, Светка!!!

От автора

I. Три любви, или Как мы путаем языки

Люди говорят «любовь» так, как будто это одно слово. А это три разных языка, и мы всю жизнь учимся их не путать.

Есть любовь тела. Она древняя, как дыхание, честная, как голод. Она не лжёт, потому что не умеет: тело всегда знает, чего хочет. Но тело не знает, зачем. Оно говорит «сейчас» и молчит о «потом». В ней нет ничего низкого — её унизили мы сами, когда решили, что дух выше плоти. Но плоть — не грех. Плоть — это глина, из которой лепится всё остальное. Плохо не то, что мы из глины. Плохо то, что мы иногда забываем, что мы не только глина.

Есть любовь души. Она теплее, она хочет быть рядом, она узнаёт по походке, по голосу, по молчанию. Это дружба, нежность, привязанность, верность — всё то, на чём держится мир тихо, без фанфар. Это любовь, которая не требует. Она просто есть. Как воздух. Как свет за окном.

А есть третья. Та, для которой у нас нет точного слова, и мы приставили к ней определение — «платоническая». Смешно: назвали величайшее по имени того, кто всего лишь

описал его. Это любовь к самому человеку — не к телу, не к теплу, не к тому, что он тебе даёт, а к самому факту его существования. Она ничего не хочет. Она хочет, чтобы он был. Она говорит: «Ты — чудо, и я это вижу». Она не тянет к себе. Она отпускает.

Платон говорил: любовь — это лестница. От одного прекрасного тела — к двум, от двух — ко всем, от всех тел — к красоте самой, а от неё — к красоте души, а от души — к тому, что выше души. Он не презирал нижние ступени. Он просто знал: нельзя стоять на первой всю жизнь. И нельзя перепрыгнуть сразу на последнюю — сломаешься. Любовь — это движение. Стоящая любовь — это не любовь. Это привычка. Или страх.

II. Что я пережил, пока писал эту повесть

Я стоял на том перроне. Я был мальчиком с портфелем, который смотрит, как уходит поезд. Я был девочкой в жёлтой куртке, которая не оборачивается. Я был матерью, которая гладит сына по голове и ничего не говорит. Я был отцом, который молча подаёт ключи в гараже. Я был той ночью на кухне, где чай с мятой, и той комнатой с красным диваном, и тем окном, за которым идёт дождь.

И вот что я понял.

Самое страшное в любви — не отказ. Самое страшное — это когда тебя любят не того, кто ты есть. Когда тебя придумывают. Когда ты становишься персонажем чужой книги, а твоя настоящая жизнь — никому не интересна. Это не

любовь. Это одиночество вдвоём. Это когда рядом человек, но между вами — стена из его представлений о тебе, и ты бьёшься в неё, и он бьётся, и никто не может пробить, потому что её нельзя пробить — она внутри него.

Второе, что я понял: нельзя спасти того, кто не просит. Сколько бы любви у тебя ни было, её недостаточно, чтобы вытащить другого из ямы, которую он выбрал сам. Ты можешь стоять над ямой и светить. Можешь бросить верёвку. Можешь спуститься. Но если человек не хочет, чтобы его вытащили, — он утянет тебя за собой. И это не жестокость. Это закон. Как закон тяготения. Ты не можешь остановить чужое падение, если оно — по воле падающего.

И третье, самое горькое: любовь не всегда побеждает. Мы выросли на сказках, где герой догоняет, спасает, возвращает. Но в жизни герой не догоняет. Поезд уходит. Перрон остаётся. И надо научиться жить на перроне. Не ждать поезд. А стоять. Смотреть на небо. Идти дальше.

III. О том, что говорили великие

Достоевский писал: «Любить человека — значит видеть его таким, каким его задумал Бог». Не таким, каким ты его хочешь. Не таким, каким тебе удобно. А таким, какой он есть в своей глубине, в своём замысле. Любить — это не переделывать. Любить — это узнавать.

Соловьёв говорил, что смысл любви — в признании абсолютной ценности другого. Не относительной. Не «ты хороша, потому что ты мне нужна». А абсолютной: «ты бесценна

сама по себе, даже если я тебе не нужен». Вот это — высшая планка. И её почти никто не держит.

Августин говорил: «Возлюби Бога больше, чем себя, а ближнего — как себя». Обратите внимание на порядок. Не «вместо себя». Не «презри себя». А «как себя». Ты должен любить другого так же сильно, как себя, — значит, ты должен сначала научиться любить себя. Кто себя ненавидит, тот не умеет любить никого. Он умеет только требовать. Или спасать, чтобы почувствовать себя нужным.

Франкл, прошедший лагерь, написал: «Любовь — это единственный способ постичь другого в его неповторимой сущности». И добавил: «Спасение человека — через любовь и в любви». Он видел, как люди выживали там, где нельзя было выжить. И выживали не те, кто был сильнее. А те, у кого был кто-то, кого надо было любить. Любовь — это сила, которая держит тебя на поверхности, когда всё остальное тонет.

А Платон сказал то, что мне кажется самым точным: «Любовь — это жажда целостности». Мы были когда-то целыми, а потом раскололись, и каждый ищет свою половину. Но вот в чём обман: половину свою ты никогда не найдёшь, потому что ты не знаешь, кто ты. Ты ищешь не второго, а себя. Любовь — это путь к себе через другого. И если другой закрывается — ты всё равно идёшь. Один. И это тоже любовь. Просто без ответа.

IV. О духовном и физическом

Есть ложь, в которую мы верим с детства: дух — высок, тело — низко. Любить душой — благородно, любить телом — стыдно. Это ложь. Это надругательство над человеком, который есть и то, и другое. Плоть — не тюрьма души. Плоть — её дом. И дом надо любить. Иначе душа будет бездомной.

Но есть и другая ложь: будто тело — это всё. Будто близость — это только физика, только трение, только удовольствие. Это тоже надругательство. Тело без души — это пустая комната. Тыходишь — и там никого.

Истина в том, что человек — это единство. И любовь — тоже единство. Нельзя любить только дух и ненавидеть тело. Нельзя любить только тело и забыть душу. Настоящая любовь — это когда ты обнимаешь человека, и обнимаешь его целиком: его дыхание, его страх, его прошлое, его тишину, его тело, его шрамы. Всё. И не хочешь это делить на части.

В повести, которую мы написали, Светка занимается именно разделением. Она разделяет себя. Она — «Светка» для Артёма, «Света» для Валентина, «Алиса» для чужих мужчин. И это разделение её убивает. Она теряет себя. И только в конце, когда она пишет дневник от первого лица, она снова собирается в одного человека. Это и есть спасение — не быть спасённой, а собрать себя самой.

V. О прощении

Самое трудное в любви — прощать. Не другого. Себя.

Артём не может простить себя за то, что не спас. Светка не может простить себя за то, что не спаслась. И оба они не

виноваты. Они просто люди. Они просто делали то, что делают все: шли на свет, который видели. А свет часто оказывался не тем.

Прощение — это не забыть. Не вычеркнуть. Не сказать «ничего страшного». Прощение — это признать, что ты был ранен и что ты всё равно идёшь дальше. Это не стирание прошлого — это перевязка раны. Шрам останется. Но он перестанет болеть.

А простить другого — это ещё труднее. Потому что другой — тот, кто тебя ранил, — может не просить прощения. Он может даже не знать, что ранил. И ты должен простить его в тишине, без слов. Как Артём — в финале, когда пишет: «Светка. Я тебя отпустил. Живи». Это не про неё. Это про него. Это его прощение. И его освобождение.

VI. О любви, которая больше любви

Есть любовь, которая остаётся, когда всё остальное уходит. Не страсть, не дружба, не нежность. Что-то четвёртое. Что-то, для чего нет имени.

Это когда ты вспоминаешь человека — и не хочешь его. Не хочешь с ним быть, не хочешь его вернуть, не хочешь даже говорить. Но ты чувствуешь его. Далеко. Сквозь годы. И желаешь ему добра. Тихо. Молча. Без всякой причины.

Вот это — любовь с большой буквы. Не та, которая требует. Не та, которая ждёт. А та, которая просто есть. Как воздух. Как свет. Как дождь над перроном.

Толстой написал в конце жизни: «Любовь — это когда ты

живёшь не для себя, а для другого». И добавил: «Но чтобы жить для другого, надо сначала понять, что другой — такой же, как ты». Это и есть тайна. Любить другого как себя — значит не ненавидеть себя. А чтобы не ненавидеть себя — надо простить себя. А чтобы простить — надо понять, что ты не виноват. Что ты просто шёл. Что ты просто ошибался. Что ты — человек.

И тогда — о чудо — ты можешь любить. Настоящее. Долгое. Тихие. Такую любовь, которая не кричит. Которая не держит. Которая отпускает — и остаётся.

VII. Последнее

Я работал над этой повестью долго. И за это время я прожил чужую жизнь — мальчика, который хотел вернуть девочку. И девочки, которая не хотела возвращаться. И я влюбился в них обоих. В его чистоту. В её сломанность. В их общую боль, в которой они никогда не соединятся.

А когда я закончил, я долго сидел и молчал. Было утро. За окном шёл снег или дождь — не знаю, я не смотрел. Я думал о том, что все мы — и Артём, и Светка, и их родители, и Валентин, и Марина — все мы идём по перронам. Ждём поезда. Провожаем поезда. Едем куда-то. И где-то, в самом конце пути, нас встретит то самое — большее, чем любовь. То, что прощает. То, что отпускает. То, что принимает нас такими, какие мы есть.

И это не будет кто-то. Это будем мы сами. Наконец-то собранные. Целые. Одно.

«И сказал: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. И ближнего твоего, как самого себя».

Не с себя надо начинать. И не с Бога. А с того, чтобы не бояться себя. Тогда всё остальное — приложится.

Аминь.

Пролог

Светка

Я расскажу это так, как было. Не так, как хочется помнить, не так, как удобно, не так, как рассказывают в ток-шоу, где все либо падшие, либо святые. Я не падшая. Я не святая. Я — Светка. И я расскажу это из того далёка, где уже знаю, чем всё закончилось. Это единственное моё преимущество перед ним. Он тогда не знал. Я — знаю.

Артём думал, что любит меня. Может, и любил. Только любовь у него была как в кино: белое пальто, перрон, письма на четыре страницы. А я была не в кино. Я была в жизни. А в жизни, если хочешь выжить, белое пальто снимаешь первым.

Он не виноват. И я не виновата.

Виноваты все.

Глава 1. Артём

Письма я писал на тетрадных листах в клетку. Аккуратно, чтобы не заезжать за поля. У меня был почерк как у отличника — ровный, круглый, будто я не живой пацан, а пропись. Я ненавидел свой почерк. Светка писала коряво, с наклоном влево, буква «т» с хвостиком, как у первоклассницы. Я бы отдал руку за такой почерк.

Она уехала в конце августа. Культпросвет, отделение хореографии, областной центр, три часа на электричке. Я провожал её на перроне. Она была в жёлтой куртке и с чемоданом на колёсиках, который одолжила у соседки. Мама её стояла рядом, худая, с сигаретой, и всё время говорила: «Ну ты звони, Светка, ты звони». Светка кивала и смотрела не на мать, а на расписание поездов.

Я держал в кармане письмо. Первое. Написал его ночью, три раза переписывал, потом решил отдать перед отправлением. Когда объявили посадку, я протянул его. Она взяла, не глядя, сунула в карман куртки и сказала:

— Ну, малой, ты держись тут.

И зашла в вагон.

Я стоял на перроне, пока поезд не стал точкой. Мама её докурила и ушла. Я остался. Не знаю зачем. Может, ждал, что поезд вернётся. Может, ждал, что она выскочит на ходу. Она не выскочила.

Дома я сел за стол и написал второе письмо. Начал так: «Светка, привет. Это Артём. Ты, наверное, уже доехала».

Доехала она или нет — я не знал. Мобильных не было. Она обещала позвонить с вокзала, но не позвонила. Я просидел у телефона весь вечер. Мама сказала:

— Артём, иди спать. Позвонит.

Не позвонила.

Через четыре дня пришло письмо. Конверт был помятый, марка отклеилась уголком. Я вскрыл его ножом, как взрослый. Внутри — полстраницы. «Привет, малой. Доехала нормально. Общага нормальная. Репетиции каждый день. Устаю. Ты как? Учись давай. Светка».

Я перечитал его раз двадцать. Потом положил в коробку из-под обуви, где хранил билеты с её выступлений, две фотографии и засушенный цветок, который она однажды выронила из волос на школьном вечере. Я подобрал его тогда и с тех пор хранил. Глупо. Я знаю.

Мама заглянула в комнату.

— От Светки?

— Ага.

— Ну и что пишет?

— Всё нормально.

Она постояла в дверях, хотела что-то сказать, но не сказала. Только вздохнула и закрыла дверь.

Я знал, что она думает. Все думали одно и то же: мальчик влюбился, мальчик перерастёт, мальчику надо найти ро-

весницу. Я это слышал в каждом взгляде. Мне было шестнадцать. Я был уверен, что меня никто никогда не поймёт.

Я не ошибался. Никто не понял.

Даже я сам.

Глава 2. Светка

Я расскажу про общагу. Потому что с неё всё началось. Не с клуба, не с денег, не с мужиков. С общаги.

Комната на четверых. Кровати железные, панцирные, с сеткой, которая проминается до пола. Тумбочки крашеные, в три слоя, чтобы скрыть, что под ними. Окно на север, солнце никогда. Я приехала первой, выбрала койку у окна — думала, будет свет. Света не было. Только серое небо и труба котельной, из которой всегда шёл пар.

Соседки подъехали к вечеру. Ленка из райцентра, толстая и добрая, на хореографию, как я. Марина из села, худая, злая, на режиссуру. И Оксана — та вообще из города, на эстрадное, с мамой, с папой, с двумя чемоданами и телевизором.

Оксана первая спросила:

— А ты откуда?

— Из Заречья.

— Это где?

— Три часа на электричке.

— А, деревня, — сказала она и стала разбирать чемодан.

Я не обиделась. Я уже тогда понимала: деревня — это не место. Это клеймо. Его смывают годами, и то не всегда.

Мама меня собирала как на войну. Полотенца, ложки, кружка, две пары колготок, шампунь в бутылке из-под ли-

монада, подписанной маркером: «Света». Она стояла в коридоре, курила и говорила:

— Ты там это, Светка, не как я. Ты там выучись. Ты там выбейся.

Она говорила это всю жизнь. «Выбейся». Как будто жизнь — это стекло, которое надо разбить. Она сама не выбилась. Работала в столовой, раздавала компот, возвращалась домой, пила и плакала. Про отца я не знаю ничего. Она говорила: «Умер». Бабушка говорила: «Уехал». Я думаю, она сама не помнит.

Я её не виню. Долго не винила. Потом винила. Теперь опять не виню. Так и живём.

В училище мне понравилось. Первую неделю. Зал с зеркалами, станок, пианистка тётя Люба, которая играла и приговаривала: «Спинка, девочки, спинка». Я умела держать спинку. Я вообще много чего умела: терпеть, улыбаться, не показывать, что больно. Этому меня научила мама. Не словами — собой.

А потом начались деньги.

Не то чтобы мне их не хватало. Стипендия — копейки, но общежитие, но еда в столовой, но проездной. Хватало. На хлеб, на чай, на колготки. Но не на жизнь. А я хотела жизнь. Не выживание — жизнь. Как у Оксаны. Чтобы сапоги. Чтобы духи. Чтобы парень с машиной. Чтобы когда тыходишь в зал — все оборачивались.

Я не знаю, как объяснить тому, кто не жил в бедности.

Бедность — это не когда нет денег. Это когда ты всю жизнь считаешь. Считаешь копейки, считаешь куски, считаешь, сколько раз можно сказать «нет». И однажды ты просто устаёшь считать. Устаёшь говорить «нет».

Первый раз я сказала «да» не в борделе. Не думайте. Первый раз я сказала «да» в кафе. Официантка предложила подработать на свадьбе — танцевать, поздравлять, то-сё. За вечер — как за месяц стипендии. Я пошла. Я танцевала. Я улыбалась. Мне дали конверт. В конверте были деньги. Настоящие. Много.

Я вернулась в общагу и спрятала их под матрас. Всю ночь не спала. Не от стыда. От страха, что кто-то найдёт. И от радости. От радости, что у меня теперь есть. Своё. Не мамино, не чужое, не выпрошенное. Своё.

Вот так это начинается. Не с падения. С конверта.

Артём писал мне письма. Каждую неделю. Я их читала. Все. Я не отвечала, потому что что я могла ему ответить? «Привет, малой, я тут подрабатываю на свадьбах, учусь на хореографа, мечтаю о сапогах»? Он бы не понял. Он жил в другом мире. В мире, где папа с мамой, где ужин в семь, где любовь — это письма на четыре страницы.

Он был хороший. Он и сейчас, наверное, хороший. Я не знаю. Я давно его не видела.

Но иногда, в общежитии, ночью, когда все спали, я доставала его письма из-под подушки и читала. Не потому что любила. Потому что они были тёплые. Как одеяло. Как что-то, чего

у меня не было.

Я не влюбилась в него. Никогда.

Но я держалась за него. Как за соломинку. Как за то, что я ещё нормальная. Что я ещё та Светка, которая танцевала в ДК и у которой был мальчик, писавший ей письма.

Это было враньё. Но сладкое. А сладкого мне тогда очень не хватало.

Глава 3. Артём

Октябрь в тот год был мокрый. Не дождливый — именно мокрый: всё время висела сырость, как будто небо не решалось ни заплакать, ни просохнуть. Листья падали тяжело, с водой, липли к асфальту и к ботинкам. По утрам на лужах стоял лёд, тонкий, как стекло в окне электрички. Днём он таял, и воздух пах железом и мокрой корой. Вечера приходили рано. К пяти уже надо было включать свет.

Я поехал к ней в первую субботу октября.

Электричка отправлялась в семь двадцать. Я встал в шесть, хотя не спал всю ночь. Мама встала раньше меня — на кухне пахло блинами. Она напекла их целую гору, сложила в пакет, завернула в полотенце.

— Передашь Светке.

— Мам, ей не надо.

— Передашь.

Она не спорила. Она просто ставила пакет на стол и смотрела. Мама умела так смотреть, что ты брал блины, даже если не хотел.

Отец вышел из комнаты, в майке, с газетой в руке. Посмотрел на меня, на пакет, на маму. Сказал:

— Денег возьми на обратный.

И ушёл.

Электричка была полупустая. Я сидел у окна, на боковом,

спиной вперёд. За стеклом тянулись поля, серые, стерня торчала из воды, как щетина. Потом пошли дачи, заколоченные, с чёрными окнами. Потом лес, мокрый, редкий, с берёзами без листьев — голыми, как руки. Я смотрел и придумывал, что скажу. Репетировал. Тысячу раз репетировал.

«Светка, привет. Я приехал». Нет, глупо. «Светка, привет, я тут по делам». Враньё. «Светка, я не мог не приехать». Слишком честно. Слишком.

Я так и не придумал. Три часа — и не придумал.

Вокзал в областном центре был большой, гулкий, с высоким потолком и часами, которые показывали без пяти десять. Я вышел на площадь. Город был серый, как и всё в тот день. Троллейбусы, троллейбусы, троллейбусы. Люди шли быстро, не глядя друг на друга. Я стоял с пакетом блинов и не знал, куда идти.

Адрес я знал. Общежитие училища, улица Пушкина, четырнадцать. Спросил у женщины с сумками. Она показала рукой:

— Вон, за углом, пятиэтажка жёлтая.

Я нашёл. Дом был старый, с облупленной краской, с крыльцом, на котором сидели двое парней и курили. Они посмотрели на меня, на пакет. Один сказал:

— К кому?

— К Светке. Светлане. Из Заречья.

— На третьем. Триста двенадцать.

Я поднялся. Лестница пахла варёной капустой и хлоркой.

На третьем этаже — длинный коридор, лампочка тусклая, дверь с номером триста двенадцать. Я постоял. Потом постучал.

Открыла не она. Открыла толстая девчонка в халате.

— Тебе кого?

— Светку.

— Светка! — крикнула она вглубь. — К тебе малой пришёл!

Я услышал шаги. Потом она вышла. В халате, с полотенцем на голове, босиком. Увидела меня — и остановилась.

— Артём?

— Привет.

— Ты чего приехал?

— Я... вот. Блины. Мама напекла.

Я протянул пакет. Она взяла. Постояла. Потом сказала:

— Ну, заходи.

Комната была маленькая, на четверых. Кровати, тумбочки, верёвка с бельём через всю комнату. Пахло порошком и лаком для волос. Девчонки сидели на койках и смотрели на меня, как на экспонат.

— Это Артём, — сказала Светка. — Из дома.

— А, малой, — сказала толстая. — Ну, садись.

Я сел на табуретку. Мне налили чай в кружку с отбитой ручкой. Я пил и смотрел на Светку. Она вытирала волосы и говорила про училище: про станок, про тётю Любу, про то, как болит спина, про то, как Оксана достала. Говорила

быстро, легко, как будто мы виделись вчера. Как будто между нами не было трёх месяцев и трёх часов дороги.

Я слушал и понимал: что-то не так. Не в словах — в ней. Она сидела на кровати, поджав ноги, и была... не настороже. Нет. Она была как человек, который уже привык, что его смотрят. Привык и не замечает. Она двигалась иначе. Иначе держала полотенце. Иначе улыбалась.

Я не мог это назвать. Мне было шестнадцать. Я просто чувствовал холод.

— Ну, ты как? — спросила она.

— Нормально.

— Учишься?

— Ага.

— Молодец.

И всё. Больше она ничего не спросила. Ни про маму, ни про отца, ни про школу. Как будто меня не было три месяца — и не было ничего, что стоило бы узнать.

Я уехал в четыре. Она проводила меня до остановки. Дождь опять начал накрапывать, мелкий, противный. Она стояла под козырьком, в жёлтой куртке, руки в карманах.

— Ты пиши, — сказала она.

— Ты тоже.

— Ага.

Троллейбус подошёл. Я зашёл. Она помахала рукой. Я сел у окна и смотрел, как она уменьшается, как её фигурка становится точкой, как точка исчезает в серой мороси.

В электричке я достал блокнот и написал: «Она изменилась. Но я всё равно её люблю».

Я тогда не знал, что это две разные фразы. Тогда я думал, что они про одно.

Глава 4. Светка

В тот день, когда он приехал, шёл дождь. Мелкий, октябрьский, серый. Я стояла в коридоре общежития, с полотенцем на голове, и смотрела на него — и думала только одно: «Только бы не догадался».

Не о чём-то конкретном. Обо всём. О том, что я уже не та. О том, что за неделю до этого я была на свадьбе. О том, что в кармане моей куртки лежали деньги, которых не должно было быть. О том, что я впервые в жизни соврала матери — сказала, что получила премию за конкурс. Мать поверила. Мать всегда верит, когда хочется верить.

Я егопустила. Он сел на табуретку, положил пакет с блинами на стол, как посол — верительную грамоту. Девчонки мои вытаращились. Ленка сразу: «А, малой, ну садись». Оксана отвернулась, ей было скучно. Марина смотрела как на вора.

А я вытирала волосы и говорила. Говорила, говорила, говорила — про станок, про тётю Любу, про то, как болит спина. Я слышала свой голос со стороны и понимала: слишком быстро. Слишком гладко. Как будто я читаю по бумажке. Как будто я не рада, а боюсь паузы. Потому что в паузе он бы спросил что-нибудь. А я бы не знала, что ответить.

Он сидел и смотрел на меня. И я чувствовала этот взгляд. Он смотрел не на меня — на ту Светку, которую знал. На

девочку из ДК, в белом платье, с цветком в волосах. И я изо всех сил старалась ею быть. Улыбалась. Поджимала ноги. Говорила «малой» так, как раньше. Но это было как играть роль в спектакле, который я уже видела. Я знала, что в третьем акте все умрут. А он ещё хлопал.

Блины я взяла. Поставила на стол. Ленка сразу открыла пакет и съела один, прямо руками. «О, вкусно». Я не ела. Не могла. Смотрела на них — на блины, на Артёма, на дождь за окном — и думала: вот моя прошлая жизнь. Приехала, привезла блины. А у меня теперь другая. И их нельзя совместить. Никак.

Он ушёл в четыре. Я проводила его до остановки. Стояла под козырьком, в куртке, руки в карманах — и в правом кармане лежали те самые деньги. Я сжимала их в кулаке, пока он не сел в троллейбус. Как будто он мог увидеть. Как будто деньги светятся.

Он помахал рукой. Я помахала в ответ. Троллейбус уехал. Я постояла ещё немного, под дождём, а потом пошла не в общагу, а в другую сторону. На автобусную остановку. Потому что в тот вечер у меня была «смена» в соседнем городе. Впервые. Настоящая.

Я не знала тогда слова «проституция». Нет, знала, конечно. Но оно ко мне не относилось. Ко мне относилось слово «подработка». «Подработка» — это чисто. «Подработка» — это когда ты студентка и нужны деньги. «Подработка» — это не то, за что осуждают. Я так себе это говорила. И почти ве-

рила.

В автобусе я сидела у окна. Дождь стучал по стеклу. За окном тянулись поля, как в электричке Артёма, только в обратную сторону. Я думала: «Один раз. Только один. Посмотрю, что это. Если не понравится — уйду». Я думала так всю дорогу. Три часа. Как будто три часа можно думать одно и то же и не заметить, что ты уже решила.

Название города я помню до сих пор. Я не буду его писать. Не из стыда. Из милосердия к себе. Там есть гостиница с вывеской, где горит одна буква. Там есть администраторша Валя с прокуренными зубами. Там есть комната с зеркалом и диваном, красным, в потёртостях. Там есть мужчина, которого я не помню. Совсем. Ни лица, ни имени. Помню только, что от него пахло одеколоном и сигаретами, и что он сказал: «Ты новенькая?» И я сказала: «Да». И это «да» было самое дорогое «да» в моей жизни. Оно стоило как стипендия за два месяца.

Я вышла оттуда в двенадцать ночи. Дождь кончился. Небо было чистое, звёздное. Я стояла на крыльце и курила — я тогда не курила, но взяла сигарету у Вали. Горло обжигало. Я смотрела на небо и думала: «Вот и всё. Теперь я — это я».

Домой я вернулась под утро. В общежитии все спали. Я сняла куртку, легла на койку, укрылась с головой. И заплакала. Тихо, в подушку, чтобы никто не услышал. Не от боли. От облегчения. Как будто я всю жизнь несла что-то тяжёлое — и наконец поставила на землю.

А через неделю приехал Артём. С блинами. С глазами, полными той любви, которую я уже не заслуживала.

Я соврала ему. Не словами. Я просто не сказала. И это было первое настоящее враньё в моей жизни. До этого я врала только маме — про оценки, про то, что поела, про то, что не плачу. Но маме врать легко. Мама хочет, чтобы ей врили.

А Артёму врать было трудно. Потому что он не хотел. Потому что он верил.

Вот почему я его оттолкнула. Не потому что не любила. Потому что любила. Не как мужчину — как что-то чистое. И я не хотела, чтобы это чистое касалось меня. Я боялась, что испачкаю.

Я и испачкала. Позже. Но об этом — в следующих главах.

Глава 5. Артём

Первый снег выпал в ночь на седьмое ноября. Я запомнил дату, потому что утром по телевизору говорили про праздник, а за окном было бело и тихо, как в деревне. Снег лёг на мокрую землю и не растаял. К обеду он стал серым, разъезженным, но утро было чистое. Воздух звенел. Я вышел на крыльцо и долго стоял, не одеваясь, в одной куртке, и смотрел, как дым из труб поднимается прямо в небо.

Я написал ей в тот день. Третье письмо за месяц.

Первое я отправил ещё в октябре, сразу после поездки. Второе — через две недели. Она ответила один раз. Открытка с танцующей парой, глянцевая, с блёстками. На обороте: «Привет, малой. Всё нормально. Учёба, репетиции. Ты как? Светка». Шесть слов. Я пересчитал.

Третье письмо я писал долго. Начал с погоды — про снег, про тишину, про то, как мама достала зимнее пальто. Потом про школу — про контрольную по физике, которую я завалил, потому что ночью не спал. Потом — то самое. Я долго не решался. Но написал:

«Светка, ты только скажи, если я тебе мешаю. Я не буду приезжать. Я просто хочу знать».

Я отнёс письмо на почту в тот же вечер. Опустил в ящик и стоял, смотрел на щель, как будто оттуда мог что-то достать. Пошёл снег. Мокрый, тяжёлый. Я шёл домой и представлял,

как она читает. Как она сидит на койке, поджав ноги, с полотенцем на голове, и читает. Как она улыбается. Как она берёт ручку и пишет мне ответ. Длинный. На две страницы. Где она всё объясняет.

Ответа не было.

Прошла неделя. Потом вторая. Я ходил на почту каждый день после школы. Женщина за окошком, тётя Валя, уже узнавала меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.